

Адамс Джейсон.

Постанархизм вкратце

2003, источник: [здесь](#)

В последние пару лет образовывался растущий интерес к тому, что некоторые начали называть «постанархизмом» для краткости; из-за того, что он используется для описания очень разнообразного мышления, и из-за его, возможно, неоправданных временных подтекстов, даже для тех, кто находится в этой среде, этот термин чаще всего используется с большой сдержанностью. Но как термин, это также термин, который отсылает к волне попыток переосмыслить анархизм в свете основных событий в современной радикальной теории и в мире в целом, большая часть которых в конечном итоге началась с событий мая 1968-го года в Париже и интеллектуальной среды, из которой вышло восстание.

Действительно, в предисловии к недавней книге Эндрю Фенберга об этих событиях, «When Poetry Ruled the Streets», Дуглас Кельнер указывает, что постструктуралистская теория, как она развивалась во Франции, на самом деле была не отвержением этого движения, как иногда думают, а большей частью была действительно продолжением новых форм мысли, критики и действий, которые вспыхнули на улицах в то время. Как он выражается, «страстная интенсивность и дух критики во многих версиях французской постмодернистской теории являются продолжением духа Бодрийяра, Лиотара, Вирильо, Деррида, Касториадиса, Фуко, Делёза, Гваттари 1968-го года, и другие французские теоретики, связанные с постмодернистской теорией, были участниками мая 1968-го года. Они разделяли его революционные и радикальные устремления и попытались развить новые формы радикального мышления, которые продолжали радикализм 1960-х годов в другом историческом предположении» (2001, p. xviii).

Таким образом, независимо от того, осознает ли он этот факт или нет, в конечном итоге именно на этом фоне «постанархизм» недавно возник как попытка создать гибридную теорию и практику из наиболее убедительных элементов ранней анархистской мысли, а также более поздних критических теорий, появившиеся из этой и аналогичной среды по всему миру, таким образом возрождая возможность политики, основным лозунгом которой является «вся власть — воображению», в наше время. Неудивительно, что в конечном итоге это произошло бы, поскольку хорошо известно, что анархизм был важным элементом событий; это подтверждается не только заявлением Рауля Ванейгема о том, что «отныне ни одна революция не будет достойна этого наименования, если она не предполагает, по крайней мере, радикальной ликвидации всей иерархии» (2001, p. 78), но и в удивительно резонансном заявлении Мишеля Фуко десятилетие спустя, в котором он заявил, что «там, где речь шла о советской социалистической власти, её противники называли её тоталитаризмом: власть в западном капитализме осуждалась марксистами как классовое

господство; но механика власти сама по себе никогда не анализировалась. Эта задача могла начаться только после 1968 года, то есть на основе ежедневной борьбы на низовом уровне среди тех, чья борьба находилась в мелких сетках паутины власти» (Gordon, 1980, p. 116).

Это всего лишь два из наиболее очевидных примеров этого наследия, но ради доказательства можно легко найти множество других подобных примеров — даже если можно было бы возразить, что многие из участников также были в значительной степени подвержены влиянию экзистенциализма, феноменологии, Франкфуртской школы и западного марксизма в целом, нельзя отрицать, что сильная анархическая, антииерархическая этика пронизывала всё дело так же, как и теоретиков, возникших из неё. Таким образом, ясно видно, как анархизм, хотя, возможно, косвенно, тем не менее, оказал большое влияние на многих из этих мыслителей, каждый из которых создал основную часть своих произведений после этих событий. Поль Вирильо, например, часто прямо выражал свою близость к анархизму, ссылаясь на свое участие в качестве одной из основных причин этого. Несмотря на широко распространенные заблуждения, утверждающие обратное, постструктуралисты также не просто «отказались» от повстанческих и других общественных движений после мая 1968-го.

Участие Вирильо, а также участие Фуко, Делёза и Гваттари в «Автономии» и движениях свободных радиостанций в Италии и Франции в конце 1970-х годов, участие Фуко в движениях квир-освобождения и упразднения тюрем в 1980-х годах, связь Люс Иригарей и Джудит Батлер с феминизмом третьей волны в 1990-х годах и сотрудничество Деррида и Агамбена с движением *Sans Papiers*/Без бумаг, а также обширные связи Хардта и Негри с антиглобалистским движением последних нескольких лет должны быть более чем достаточными доказательствами, чтобы разрушить этот миф. Другие абсурдные критические замечания, которые иногда звучат, которые берут довольно уникальный пример, например, киберфеминистку Донну Харауэй, чтобы утверждать, что постструктуралисты универсально некритичны по отношению к технологиям, или неонигилиста Жана Бодрийяра, чтобы доказать, что они твёрдо отвергают возможность сопротивления, также довольно невежественны, поскольку обратная сторона таких ложных и обобщающих заявлений заключается в том, что политика «сопротивления» была центральным элементом во всём своде работы Фуко, так же, как и безжалостная критика «искусства технологий» во всех его формах, от военных боеприпасов до телевидения, является ключевым элементом всей работы Вирильо.

Действительно, далёкий от того представления, которое некоторые дают ему, постструктурализм возник из гораздо большей антиавторитарной среды, которая началась с того, что приняла то, что до этого существовало, как радикальные, но все же абстрактные теории, и применила их на практике на улицах Парижа; при всех своих ограничениях на протяжении многих лет, поскольку его происхождение можно найти здесь, он, тем не менее, содержит много уникальных сильных анархических элементов; следовательно, казалось бы очевидным, что среди этих мыслителей, вероятно, будет много радикальной теории, которая была бы полезна сегодня анархистам, которые хотят, чтобы их теория соответствовала контурам структуры господства, которая не существует вне пространства и времени, но которая постоянно находится в состоянии изменения.

Как уже упоминалось, термин «постанархизм» появился недавно как термин, который можно использовать для описания явления, посредством которого эта радикально антиавторитарная постструктуралистская теория развивалась, мутировала и раскалывалась на десятки гибридных критических теорий за последние три десятилетия, наконец возвращаясь, чтобы информировать и расширять теорию и практику одного из ее основных корней.

Анархизм, кажется, постоянно забывает уроки недавних событий, которые сформировали живое настоящее, в котором мы живём каждый день, и все ради несчастных целей фетишизации, с одной стороны, «гордой традиции» прошлого, а с другой — «славной перспективы» будущего. Как мы видели на примере анархических событий мая 1968-го, сегодня постструктурализм не просто информирует анархизм, на самом деле, обратное тоже имеет и, безусловно, имело место, несмотря на то, что это в значительной степени игнорировалось почти всеми — до недавнего времени. Для того, чтобы понять, что «представляет собой» возникающий феномен постанархизма в современности, прежде всего следует рассмотреть, чем он не является; это не такой «изм», как остальные — это не очередной набор идеологий, доктрин и убеждений, которые можно положительно изложить как ограниченную совокупность, которой можно соответствовать, а затем агитировать среди «масс», чтобы они тоже сплотились и соответствовали ей, как какой-то странный идеологический флаг. Вместо этого этот глубоко негативный термин относится к широкому и разнородному набору анархистских теорий и практик, которые стали «бездомными» из-за риторики и практики большинства более закрытых и идеологических анархизмов, таких как анархо-синдикализм, анархо-коммунизм и анархо-платформизм, а также их современных потомков, все из которых имеют тенденцию воспроизводить некоторую форму классового редукционизма, государственного редукционизма или либеральной демократии в несколько более «анархической» форме, игнорируя, таким образом, многие уроки, которые мы получили после недавнего прошлого.

Постанархизм сегодня встречается не только в абстрактной радикальной теории, но и в существующей практике таких групп, как движения «Без границ», «Народное глобальное действие», Autonomes, сапатисты и других таких групп, которые, хотя и явно «антиавторитарно» ориентированны, не отождествляют себя именно с анархизмом как идеологической традицией настолько, насколько они отождествляют себя с его общим духом в своих собственных уникальных и меняющихся контекстах, которые обычно информированы широким кругом современных и классических радикальных мыслителей.

Довольно интересно, что все это в удивительной степени вполне соответствует самому происхождению термина в эссе Хаким Бея 1987 года «Постанархистская анархия». В этом эссе он утверждает, что то, что мешает анархизму стать релевантным для действительно исключенных из общества, что также отталкивает так много по-настоящему антиавторитарных людей от анархизма, заключается в том, что он настолько увлёкся своими собственными жёстко ограниченными идеологиями и сектами, что в конечном итоге ошибочно принял различные доктрины и «традиции» анархизма за жизненный опыт самой анархии. Между дихотомической тюрьмой трагического прошлого и невозможного будущего, он говорит, что анархизм стал идеологической доктриной, которой следует придерживаться, а не живой теорией, с помощью которой можно было бы склеить

децентрализованные работы постиндустриального общества контроля, и всё это приводит к универсальному отказу от любой реальной политики настоящего, это утверждение также сделал Рауль Ванейгем в мае 1968-го, но в отношении общества в целом. Далее Бей подчёркивает, что отсутствие внимания различных идеологических анархизмов к реальным желаниям и потребностям столь же предосудительно, как и их сдержанность перед лицом более поздней радикальной теории, тех вызывающих сомнения мыслей и идей, которые могут показаться «рискованными» или неудобными на первый взгляд, особенно в отношении анархизма, всё более приспособляющегося к своей форме, мало чем отличающегося от постиндустриального временного работника, который в конце дня ложится на диван и остаётся в нём из чистого изнеможения; если бы мы сопротивлялись этому искушению и открыли анархизм для такого рода занятий, он утверждает, «мы могли бы начать борьбу там, где она была отброшена ситуационизмом в 68-м и «Автономией рабочих» в семидесятых, и довести её до следующей стадии» (1991, р. 62) далеко за пределы того, до чего народные радикалы, анархисты, экзистенциалисты, неортодоксальные марксисты и постструктуралисты доводили её в прошлом.

Но для Бея постанархистская политика действительно стала бы возможной только в том случае, если бы анархисты могли как-то найти волю отказаться от целого множества оставшихся фетишизмов, которые сохранили анархизм в своей собственной небольшой сети навязанных самому себе идеологических гетто, включая все виды идеологической чистоты, представления о власти как просто явной и неприкрытой, фетишизмы труда и работы, предубеждения против культурных форм сопротивления, светские культы сциентизма, антиэротические догмы, удерживающие сексуальность всех форм в шкафу, прославление формальной организации в ущерб стихийным действиям и территориальным традициям, которые связывают пространство и политику, игнорируя тем самым возможность номадической практики. Четырнадцать лет спустя, после некоторых важных основополагающих работ радикальных теоретиков, таких как Эндрю Кох и Тодд Мэй, эта схематичная формулировка «постанархизма» вновь появилась под тем же знаком, но в довольно другой и более конкретизированной концепции, разработанной австралийским политическим теоретиком Солом Ньюманом в своей книге «От Бакунина к Лакану».

Здесь термин означает теоретический шаг за пределы классического анархизма в гибридную теорию, состоящую из синтеза с конкретными понятиями и идеями из постструктуралистской теории, такими как постгуманизм и антиэссенциализм; Ньюман объясняет, что «используя постструктуралистскую критику, можно теоретизировать возможность политического сопротивления без эссенциалистских гарантий: политики постанархизма [...] путем объединения моральных принципов анархизма с постструктуралистской критикой эссенциализма, возможно, удастся прийти к этически работоспособному, политически обоснованному и подлинно демократическому представлению о сопротивлении господству [...] отказ Фуко от «существенной» разницы между безумием и разумом; атака Делёза и Гваттари на эдипальное представительство и государство-ориентированную мысль; Деррида, ставящий под сомнение предположение философии о превосходстве речи над письмом, — все это примеры этой фундаментальной критики власти» (2001, р. 158)

Как подразумевается в концепции постанархизма Хаким Бея, здесь также очевидно, как антиавторитаризм, который, по мнению Ньюмана, пронизывает всю постструктуралистскую теорию, изначально возник во всемирно-исторических общественных движениях в конце 1960-х годов; при этом радикально антиавторитарный дух анархизма как один из основных элементов этой среды мутировал в тысячу различных минивирусов, заражая все эти критические теории множеством различных способов, которые только сейчас действительно переоткрываются. Тем не менее, хотя он критически относится к эссенциализму, который он считает свойственным мысли канонических анархистов, таких как Кропоткин и Бакунин, концепция постанархизма Ньюмана не отвергает всю раннюю анархистскую мысль; его принятие эгоизма Штирнера за важнейшего предшественника такой политики довольно наглядно демонстрирует это. Наконец, следует отметить, что именно в этом смысле концепция Ньюмана на самом деле очень похожа на «постмарксизм» Эрнесто Лакло и Шанталь Муфф, в том смысле, что, будучи постанархистской, она также является постанархистской (2001, р. 4) в том смысле, что она отнюдь не является полным отказом от ранних анархизмов, а скорее шагом за пределы, определённые для них мыслью Просвещения, которая к тому времени ещё не подверглась серьёзной критике, и в то же время охватывает лучшие элементы, созданные этой же революцией в человеческом сознании, включая такие очевидные аспекты, как способность людей к прямому самоуправлению без господства суверена над ними; вирусные штаммы мутантного постструктурализма неожиданно появляются в новой форме после долгого и номадического изгнания.

Со времени публикации книги Ньюмана в 2001 году было несколько попыток сформулировать концепцию постанархизма, которая включала бы многие из его конкретных идей относительно анархических элементов радикальной постструктуралистской мысли, но также вернула бы её из залов академических кругов в более широкие, более разнообразные и более легковоспламеняющиеся среды, подобно тому, как Бей первоначально описал свою концепцию этого термина в 1987 году. Ранее в этом году я создал список рассылки и сайт под названием «постанархизм», предназначенный именно для этого; я рекламировал его существование на сайтах Indymedia по всему миру, на доске объявлений Infoshop и на многочисленных списках рассылки радикальных активистов и анархистов, каждый из которых привлекал сотни анархистов, активистов и интеллектуалов, чаще всего привлекая тех, кто каким-то образом умудрялся быть всеми тремя одновременно. С тех пор возникла все более динамичная дискуссия, которая варьировалась от активистской темы общественных движений, таких как движение «Без границ», которое приняло идеи критических теоретиков, таких как Джорджо Агамбен, Майкл Хардт, Антонио Негри и Жак Деррида, до более строго интеллектуальных вопросов о том, в какой степени ранние анархистские мыслители, такие как Бакунин и Кропоткин, были эссенциалистами в своих концепциях человеческого субъекта, до более явно анархистского обсуждения того, какие тенденции в современном анархизме, такие как повстанческий анархизм, социальная экология или анархистский феминизм, могут быть самыми актуальными в современном мировом порядке.

Сейчас даже говорят об антологии постанархизма, которая собрала бы десятки эссе, циркулирующих в Интернете, и объединила их в одном месте; пока в антологию, вероятно, войдут такие интересные предложения, как предложение бывшего члена «Чёрных пантер»

Ашанти Алстона о набросках того, что он рассматривает как постструктуралистский африканский анархизм, сочетающий в себе мысли Воле Шойинка, Сэма Мба, Тодда Мэя и Сола Ньюмана, а также другое предложение Джесси Кона и Шона Уилбура, критикующее концепцию постанархизма Ньюмана, утверждая, что даже Бакунин и Кропоткин были гораздо менее эссенциалистами и более критичны к сциентизму, чем он обычно допускает. Как можно легко увидеть, изучив эту траекторию, результат этого списка рассылки, сайта и последующей антологии состоит в том, что обсуждение и определение постанархизма теперь не только стали гибридом концепций Бея и Ньюмана об этом термине, но и десятков других, которые писали о пересечениях между анархизмом, постструктурализмом и другими критическими теориями, по крайней мере, с начала 1990-х годов, с темпом и динамизмом, которые неуклонно возрастают до своего сегодняшнего пика. В этом часто неосознанно одновременном стремлении анархисты различного происхождения с различными идеями стремились сделать современные анархизмы актуальными для них в своих собственных уникальных ситуациях, часто выходя за рамки самого постструктурализма, либерально заимствуя лучшее из современной радикальной теории, включая феноменологию, критическую теорию, ситуационизм, постколониализм, автономизм, постмодернизм, экзистенциализм, постфеминизм, сапатизм и так далее. Эндрю Кох, например, утверждает, что такие постфеминистки, как Элен Сиксу, Люс Иригарей и Юлия Кристева, могут многое рассказать современным анархистам об авторитарных элементах патриархального фундаментализма; Рикардо Домингес раскрывает поэтические открытия в связях между сапатистскими стратегиями децентрированной сетевой войны и делёзогваттарианскими формами сопротивления форме государства, и ни одно, ни другое, как он напоминает нам, не нуждается в «как он напоминает нам, не нуждается в «подключении», чтобы быть эффективным.

Таким образом, из всего этого должно быть ясно, что, кроме противостояния всем формам господства, единственное, что разделяют все эти теоретики, — это крайнее отсутствие консенсуса в отношении того, что означает объединение анархизма с этими чрезвычайно расходящимися философиями; на самом деле, хотя некоторые использовали это в качестве предлога для полного списания более ранних тенденций, таких как анархо-синдикализм, иронично, что некоторые из главных теоретиков, которых такие постанархисты называют образцовыми, включая Поля Вирильо, Майкла Хардта и Антонио Негри, заигрывали с версиями в точности той же традиции в различных частях своих произведений, даже используя такие термины, как «всеобщая забастовка» (Virilio, 1997, p. 41), «анархо-синдикалист» (Armitage, 2001, p. 19) и «Один большой союз» в позитивном ключе (Hardt and Negri, 2000, p. 206).

Это означает, что радикальная теория, так же, как и мир, в котором она возникла, всегда находится в постоянном движении, номадизм, который никогда не успокаивается, никогда полностью не превращается в одну конкретную форму и в котором «прошлое» вечно возвращается новыми и неожиданными способами в настоящем; например, многие постструктуралистские интеллектуалы после того, как их осудили как все более аполитичных и обскурантистских, обратили внимание на эти призывы, используя гораздо более четкие формулировки и активно пытаясь использовать свои теории на практике реально существующих социальных движений.

Эта недавняя тенденция, наиболее ярко проиллюстрированная в некоторых работах Поля Вирильо, Джорджо Агамбена, Жака Деррида, Майкла Хардта и Антонио Негри, может рассматриваться как возвращение к истокам постструктурализма в событиях мая 1968-го, когда интеллектуалы восстали против своей роли организаторов кибернетического общества и, вместе с миллионами рабочих, иммигрантов, женщин и других, перевернули этот мир с ног на голову, хотя бы на несколько коротких блаженных мгновений. Таким образом, появление постанархизма в последние годы также можно рассматривать как аспект этого возвращения недавно забытого прошлого, по крайней мере, частично в результате возвращения всемирно-исторического общественного движения, которое бросает вызов всем формам технократического господства, доводя борьбу мая 1968-го и итальянской Автономии до следующего этапа, как надеялся Бей; феномен, возможно, лучше всего описанный, по крайней мере, на данный момент, провозглашением: «ни нормализация классического анархизма, ни деполитизация постструктурализма!»

ИСТОЧНИКИ

Armitage, John 2001. Virilio Live: Selected Interviews. London: Sage Publications.

Bey, Hakim, 1991. TAZ: The Temporary Autonomous Zone, Ontological Anarchy, Poetic Terrorism. Brooklyn: Autonomedia.

Andrew Feenberg and Jim Freedman, 2001. When Poetry Ruled the Streets: The French May Events of 1968. Albany: SUNY Press.

Gordon, Colin, ed., 1980. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972– 1977, Michel Foucault. New York: Pantheon Books.

Michael Hardt and Antonio Negri, 2000. Empire. Cambridge: Harvard University Press. • Ernesto Laclau and Chantal Mouffe, 2001. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso.

May, Todd, 1994. The Political Philosophy of Poststructuralist Anarchism. University Park: Pennsylvania State University Press.

Newman, Saul, 2001. From Bakunin to Lacan: Antiauthoritarianism and the Dislocation of Power. Lanham: Lexington Books.

Vaneigem, Raoul, 2001. The Revolution of Everyday Life. London: Aldgate Press. • Virilio, Paul, 1997. Pure War. New York: Semiotext(e)

Версия #1

Зверобой создал 25 мая 2025 04:39:22

Зверобой обновил 25 мая 2025 04:41:21